

Экзистенциальные основания философского знания в произведениях Асорина

Научный руководитель – Сорокина Галина Александровна

Бойчук Сергей Сергеевич

Кандидат наук

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск, Украина

E-mail: overbaring@mail.ru

Пряно-полынный привкус боли и тоска, настоящая на космической силе любви ко всему, что встречается на пути, создают особое смысловое напряжение, в границах которого и оказывается возможным мир Испании Асорина. Вместе с другими представителями «поколения 1898» он оттолкнулся от поражения в войне и попытался пройти по следам Дон-Кихота ради обретения новой судьбы древней культуры.

В этом паломничестве, ставшем действительной реконкистой духа, была обнаружена вечная экзистенциальная подкладка человеческого по ту сторону традиций и локальных значений в одиночестве и тишине обыденности. Феноменология испанской души рождается на пересечении фундаментальных смыслов и символов, парадоксально соединяющих в себе онтологию элеатов, эстетику Догэна и этику Кьеркегора. Однако созвучия и параллели несходного только подготавливают сцену для настоящей тысячелетним эхом звучащей под небесами трагедии человеческой муки.

Созданная Асорином вселенная покоится на плечах тех, кого не помнят хроники; в ней нет места великим людям, бросившим вызов, выбравшим историю и иллюзию становления, это бесконечное длание покоя и самотождественности абсолютного настоящего, данного в виде обреченного на возобновление в собственной жизни вечных вопросов провинциального городка.

Универсалия топографии и антропологии малой урбанистической формы существования оказывается идеальным местом для философов, поэтому все тесные улочки, постоянные дворы и небольшие уютные кафе переполнены глубокомысленными мудрецами-академиками. Разнообразие и величие типов поражает, здесь представлены все варианты: от не лишенных скромного обаяния учености и облаченных в почет профессиональных знаний до самых захудалых, вынужденных перебиваться с хлеба крестьянского труда на воду самопознания.

Данная симфония ландшафта и экзистенции очаровывает, погружает в столь важное для эллинов состояние совершенной атараксии и заставляет верить в то, что именно вековое смирение и дряхлая неподвижность является совершенной почвой для рождения мыслителей в количестве достаточном для заселения всех заброшенных Богом уголков. Из этих блаженных садов Эпикура, пышно расцветших на неплодородной земле Испании, внимательного и доверчивого читателя изгоняет сам Асорин-герой романа «Воля» одним случайным - будто брошенным мимоходом - заявлением на проселочной дороге рефлексии из-под руин. Словно в насмешку над сложной системой цитат и изысканных диалогов с философской традицией, которая организывает поэтику всего творчества Асорина-писателя, его альтер-эго, пригубив можжевельной, со всей серьезностью заявляет: «молодой наивный песик ... более мудр, чем Аристотель, Спиноза и Кант, вместе взятые» (Асорин, 1989, с.139).

Попытка увидеть в этой истине, открытой благодаря созерцанию собачьих глаз, сократовскую иронию или картезианскую шутку не выдерживает критики; данным феноменам нет места в тексте, они отрицаются каждым словом автора и вздохом его протагониста.

В лучшем случае дерзкая мысль может быть признана удачным каламбуром и упомянутый пес, «не думающий об имманентности или трансценденции первопричины» (Асорин, 1989, с.139), на самом деле - тот самый Пес Диоген, заставлявший афинян вспомнить о непреходящих императивах добродетели.

Если появление собаки рядом с философом всегда можно объяснить при помощи обращения к кинической мифологии и нескольких широко известных античных анекдотов, то следующее энтомологическое рассуждение героев Асорина уводит не в блестящее прошлое, а в ужасное будущее XX века. Новым претендентом, оспаривающим у Платона, Монтеня и Шопенгауэра первенство в познании устройства мира истинных сущностей и уверенно ползущим на своих шести к званию «подлинного философа», назван - словно предчувствую кафкианские наваждения - жук. Особые права этого жесткокрылого создания обоснованы не простым первородством, а тем, что в каждом «медленном и раздумном» движении вверх по стеблю видится то, как оно «словно прочитало - прочитало и превзошло!» - «Критику чистого разума» (Асорин, 1989, с.106-107).

Правильное понимание условий, позволяющих четырехлапому превзойти тройку двуногих на пути познания, а насекомому обогнать еще и некоторое количество великих, предполагает раскрытие общей архитектоники текста и определение места философии в мире уже не испанской меланхолии и мечты о потерянном золотом веке реконкисты, а у последних границ, у экзистенциального обрыва.

Главный мотив произведений Асорина заключается в отрицании экстраординарности философии в привычном виде мышления оторванного от вызовов конкретного жизненного мира. На первый взгляд в этом возвращении к древнегреческой парадигме философии как школы достойного образа жизни нет ничего заслуживающего особого внимания: кто только из блестящих мыслителей не призывал поломать университетские кафедры и выйти вслед за Сократом на улицы городов? В то же время Асорин идет дальше и предлагает новую иберийскую перспективу видения философской субстанции в утверждении ее обыденности, разлитой по поверхности дней в качестве естественной нормы духовной физиологии человеческого, слишком человеческого. При этом фундаментальная физиологичность и природность данного феномена нивелируют не только императив рефлексии, но и саму антропологическую основу, превращая животных и насекомых в носителей его подлинного духа. Причастность последних гарантируется единой универсальной природой философии как космоса, в рамках которого и возможно существование самих живых существ. Такое понимание оказывается близким к буддийскому откровению тождества всего природе Будды или воззрениям римской юридической науки на *jus naturale*, общее пространство для людей и животных, созданное светом разума-правителя.

Таким образом, принимая в частности и отрицая в целом эллинское видение философии как самого достойного, как чуда и пира, с одной стороны, и совершенно отвергая тевтонскую модель призвания и профессии, с другой, «захудалый» мыслитель Асорин предлагает перевернуть успокоившийся в тупоумии мир академиков и лекторов. Он искренне восхищается бестиарием философии, противопоставляя его цитатам из компендиума знания книжников, и зовет всех не на трапезу логоса с изысканными кушаньями и малыми избранными, а в тень смоковницы, посаженной заботливой рукой местного святого. Именно там, в разговоре учителя с учеником, откроется счастье и горечь бытия, не бывшее никогда тайной для животных, насекомых и простых необразованных жителей заброшенных городишек.

Источники и литература

- 1) Асорин Избранные произведения. М., 1989